

мира, кончившаго австрійскую наслѣдственную войну¹⁾). Въ этотъ послѣдній походъ отъ слободскихъ полковъ была потребована тысяча козаковъ при 20 сотникахъ и 20 подпрапорныхъ; при распределеніи этого числа по полкамъ руководствовались назначеніемъ 20 козаковъ съ каждыхъ штатныхъ ста. Съ Харьковскаго полка было назначено 170 человѣкъ при трехъ сотникахъ и трехъ подпрапорныхъ. Общая команда поручалась ахтырскому полковнику Ив. Алекс. Лесевицкому. Отъ каждого полка требовалось и по одному полковому старшинѣ, по одной пушкѣ съ пушкарями и принадлежностями. Козаки должны были быть доброконны, хорошо вооружены и снабжены провіантомъ на три мѣсяца; въ отрядѣ назначался лекарь отъ Ахтырскаго полка, отъ Изюмскаго—попъ и полковое знамя. Отрядъ харьковцевъ поступилъ подъ команду младшаго полковаго есаула Горлинскаго, такъ какъ онъ, съ производствомъ въ этотъ чинъ, не былъ еще ни разу въ походахъ; при немъ состоялъ одинъ канцеляристъ²⁾). Отряды всѣхъ полковъ 23 января были собраны въ г. Сумахъ, гдѣ имъ произвелъ смотръ генераль-маіоръ Кейзерлингъ. Въ походѣ харьковцы шли двумя командаами. Одна изъ нихъ, подъ начальствомъ Жикова, сотника соколовскаго, численностью въ 70 козаковъ и 20 подъемныхъ лошадей³⁾, возвратилась домой полностью, убыло изъ нея только три строевыхъ и шесть подъемныхъ лошадей⁴⁾). Другая-же команда, въ которой находилось 100 козаковъ, возвратилась не такъ счастливо: изъ нея убѣжало 52 человѣка съ лошадьми и оружиемъ и умеръ одинъ козакъ. Начальникъ этой командаы, сотникъ Пащинскій, доносилъ, что, вслѣдствіе большихъ снѣговъ и безпутицы, команда лишилась многихъ лошадей, изъ которыхъ нѣкоторыя пали, а нѣкоторыя были брошены за худобой, или проданы за безцѣнокъ⁵⁾). Что была за причина того, что одна команда пришла домой въ цѣлости, а лошади ея также не очень пострадали, тогда какъ другая, бывшая казалось-бы въ однихъ и тѣхъ-

¹⁾ Лееръ. Энцикл. воен. и мор. наукъ, т. IV, стр. 302.

²⁾ Хар. ист. арх. Отд. I, № 127.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem.

же условіяхъ, не досчитывала одними бѣжавшими 52 козака, т. е. больше половины, и лошадей постигла такая горькая участія?

Указомъ (отъ 30 октября 1756 г.) изъ военной коллегіи генераль-аншефу графу Салтыкову въ 1757 г. было повелѣно сформировать на Украинѣ слободской гусарскій полкъ¹⁾, командиромъ котораго былъ назначенъ полковникъ Бульскій. Людей въ этотъ полкъ приказывалось выбирать или изъ бывшихъ драгунъ, или, если ихъ будетъ недостаточно, то изъ ранговыхъ козаковъ, на мѣсто-же ихъ назначать изъ свойственниковъ и подпомощниковъ; если-же на комъ изъ попавшихъ въ гусары числились-бы какія недоимки, то таковыя приказывалось разложить на козаковъ, ихъ свойственниковъ и подпомощниковъ. Штатъ новоформируемаго полка былъ опредѣленъ числомъ 1203 человѣка всѣхъ чиновъ; для обучения новонабранныхъ въ гусары козаковъ регулярному строю были командированы офицеры изъ Новосербіи и Славяносербіи. На содержаніе этого слободскаго гусарскаго полка положено было собирать съ подпомощниковъ, которыхъ считалось тогда 59,272 человѣка, по $22\frac{1}{2}$ к., сверхъ прежнихъ 18 к., и съ подданныхъ, числившихся тогда по дистриктамъ въ числѣ 126,365 человѣкъ (сверхъ собираемыхъ прежде на довольствіе трехъ драгунскихъ и одного гарнизоннаго полковъ по 21 к.), по $19\frac{3}{4}$ коп. съ душп. Значитъ, содержаніе полковъ слобожанамъ обходилось ежегодно 48,962 руб. $24\frac{3}{4}$ к.²⁾). Приказъ этотъ о сформированіи гусарскаго полка и о новомъ налогѣ полчане встрѣтили недружелюбно,—не такъ, вѣдь, давно они избавились отъ драгунскаго. Назначенные въ гусары козаки разбѣгались прежде, чѣмъ ихъ успѣвали обмундировать. Даже простой народъ всячески высказывалъ ненависть къ гусарамъ тѣмъ, что избѣгалъ ихъ, солдатъ, хотя они и были ихними братьями; слободскія красавицы оказались тоже патріотками, высказывая протестъ правительству по своему.—онѣ отворачивались отъ донъ-жуановъ изъ гусаръ, чѣмъ дѣлали ихъ положеніе поистинѣ ужаснымъ, и пѣли такія пѣсни:

¹⁾ Пол. соб. зак., № 10712.

²⁾ Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 109, св. 50.

„Гусарине черноусый,
Чомъ у тебе капитанъ куцый?
Гусарине, выдченыся
И на мене не дывыся!“

„Гусарь коня наповавъ,
Дзюба воду брала.
Винъ ѿи поциловавъ,
Вона ѵ заплакала“¹⁾).

Для того, чтобы положить предѣль завоевательнымъ стремлениямъ Фридриха II, короля прусскаго, желавшаго расширить свои владѣнія на счетъ сосѣдей, не разбирая средствъ, Елизавета Петровна рѣшилась объявить ему въ 1757 году войну, для поддержанія Австріи и Саксоніи. Такимъ образомъ сбылись опасенія Фридриха, говорившаго: „я не боюсь моихъ враговъ—ни Австріи, ни Франціи, но что я буду дѣлать, если придется воевать еще и съ русскими“²⁾! Указомъ изъ военной коллегіи слободскимъ полкамъ приказано было слѣдовать за соединеніе съ русскою армією, собранной около г. Ковна. Полки выступили изъ Україны, подъ командою своего бригадира Капниста, прибыли и вошли въ составъ арміи Апраксина за нѣсколько дней до ея выступленія въ походъ. Отъ всѣхъ слободскихъ полковъ было потребовано два полковника, съ надлежащимъ числомъ полковой и сотенной старшины и подпрапорныхъ³⁾. При выступленіи въ походъ Харьковскому полку приказано было взять съ собою 476 руб. 84 коп. (изъ десяти-кошѣчного сбора) на покупку фуражу и на другія полковыя надобности.

По переправѣ чрезъ р. Нѣманъ 22 іюня, русская армія поползла по направленію къ границамъ съ невозможной медленностью; такъ, къ д. Барбаринкамъ она пришла только 26 іюня, сдѣлавъ въ продолженіи пяти дней около 45 верстъ, гдѣ и расположилась лагеремъ для того, чтобы производить парады, праздновать день св. Петра и Павла и тратить на салюты порохъ, назначенный для борьбы съ пруссаками.— Только лишь 15 августа она подошла къ границамъ прусского королевства—къ Вержболову, что составляетъ около 80 вер. На этотъ, значитъ, 80-ти верстный походъ Апраксинъ упот-

¹⁾ Г. Ф. Квитка. Сочин., т. III, стр. 133.

²⁾ Соловьевъ. Рус. ист., стр. 306.

³⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 238.

ребиль 25 дней! И это шелъ онъ воевать съ арміею Фридриха Великаго! Слуховъ о непріятель еще не было никакихъ, но армія наша, простоявшая здѣсь недѣлю, тщательно себя охраняла, разставляла всюду караулы, ставивъ предъ фронтомъ рогатины. Всѣ эти излишнія мѣры предосторожности только бесполезно утомляли войска. Иди, такимъ образомъ, долиною р. Прегеля къ столицѣ Пруссіи—Кенігсбергу, Апраксинъ, по переправѣ чрезъ эту рѣку, занялъ очень сильную и недоступную позицію при д. Гроссъ-Егерндорфѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи армію, силою въ 57 тысячъ человѣкъ; противъ него-же стоялъ въ разстояніи не болѣе 7 верстъ генералъ Левальдъ, подъ командою котораго было 40 тысячъ солдатъ, но лучшихъ и испытанныхъ воиновъ. Занявъ такую недоступную позицію 16 августа, армія простояла тамъ по 19-е, не предпринимая ничего. Но такъ какъ подобное стояніе могло продолжаться и долго, то было решено 19-го, на разсвѣтѣ, выступить и идти къ Алленбургу навстрѣчу непріятелю, отъ котораго наѣхъ отдалъ только густой и непроходимый лѣсъ, шириной не болѣе одной версты¹⁾. Армія наша, считавшая въ своихъ рядахъ до 19 тысячъ козаковъ и 19 полковъ регулярной кавалеріи, съ такою заботою охранявшая себя, когда непріятель былъ еще далеко, въ ночь-же предъ выступленіемъ не предприняла никакихъ мѣръ для собранія свѣдѣній, что дѣлается у непріятеля. Намъ поэтому не было известно, что прусская армія, въ ночь предъ выступленіемъ, ночевала готовая къ бою у д. Бушдорфѣ, невдалекѣ отъ нашей. На зарѣ 19 авг. полки были подняты пушечнымъ выстрѣломъ и генераль-маршемъ, возвѣщавшимъ простой походъ, въ который и потянулись войска съ частью своихъ обозовъ чрезъ дефиile, лежащее на юго-западѣ. Утро было очень туманное; къ тому же дымъ отъ горѣвшихъ деревень, зажженныхъ наканунѣ козаками, покрывалъ все поле²⁾. Такъ какъ армія наша пустилась въ обходъ непріятеля безъ всякихъ мѣръ охраненія своего походнаго движенія, отправляя даже впередъ обозъ, игнорируя непріятеля, бывшаго въ 7 верстахъ, то и случилось

¹⁾ Подробное описание мѣста сраженія см. зап. А. Т. Болотова, т. I, стр. 503.

²⁾ Г. Л. Лееръ. Энцикл. воен. и мор. н., т. II, стр. 595.

то, что предвидѣть было можно: пруссаки неожиданно атаковали полки, снимавшіеся съ лагеря. Здѣсь произошло, впрочемъ, обоянде недоразумѣніе: пруссаки, рѣшившись воспользоваться непредиримчивостью Апраксина, шли нападать на русскихъ, надѣясь ихъ застать мирно спящими, а встрѣтили на походѣ; русскіе шли въ бой съ непріятелемъ, котораго предполагали незамѣтно обойти, а между тѣмъ наткнулись на него, вполнѣ для себя неожиданно. Это поставило русскую армию въ очень критическое положеніе. Путь, по которому двинулись войска и обозы, лежалъ чрезъ узкій „прогалокъ“ и грязный, топкій ручей; другой дороги не было: это былъ единственный выходъ изъ лагеря въ ту сторону изъ этой „норы“. На этомъ грязномъ ручье застряли обозы, перемѣшившись съ артиллерию, съ ящиками, экипажами начальства и войсками¹⁾). Тѣснота, была большая, пробираться можно было съ трудомъ, и то пѣшему. И вотъ, въ то время, когда полки, смѣшившись съ обозомъ, остановились въ безпорядкѣ, московскій полкъ вдругъ увидѣлъ появившагося предъ нимъ непріятеля. Смятеніе произошло понятное. Пруссаки дали по напімъ войскамъ три залпа, на которые отвѣтъ нескоро послѣдовалъ, такъ всѣ были поражены внезапностью нападенія. Положеніе было ужасное: большая часть русской арміи находилась за лѣсомъ и обозомъ, и надѣяться на ихъ скорое прибытіе было нельзя. Вполнѣ приготовленному къ бою непріятелю, нападавшему всѣми своими силами, русскіе противопоставили въ этомъ сраженіи только едва 11 полковъ, далеко не всю артиллерию и только 3—4 шуваловскихъ гаубицъ, этихъ пушекъ-великановъ, на которыхъ всѣ возлагали большія надежды. Погибель арміи казалась неизбѣжною, но русская храбрость, явившаяся здѣсь во всей своей красѣ, преодолѣла все: армія наша побѣдила, побила пруссаковъ, наперекоръ всѣмъ желаніямъ своего главнокомандующаго и его совѣтниковъ, которые предоставили ее на произволъ судьбы и ею вовсе не руководили въ томъ сраженіи, которое явилось неожиданнымъ, благодаря подозрительной безопасности Апраксина.

¹⁾ Записки А. Т. Болотова, т. I, стр. 503 и Д. Масловскій. Стор. и пол. сл. рус. войскъ, стр. 139.

Между тѣмъ, какъ наши авангардные полки, на которые обрушились пруссаки, мужественно, не отступая во все время боя ни на единій шагъ, отражали врага, стоя на мѣстѣ, съ сидящею на колѣняхъ первою шеренгою, полки—3-й гренадерскій и новгородскій, продравшись чрезъ лѣсъ, явились къ нимъ на выручку и рѣшили дѣло.

На лѣвомъ крылѣ нашего случайного расположенія происходило слѣдующее: тамъ стояли донскіе козаки, а на самомъ флангѣ, впереди д. Заттерфельдъ¹⁾, гдѣ была пѣхота, находились и наши слободскіе полки. Очевидецъ, принимавшій участіе въ битвѣ, А. Т. Болотовъ, такъ описываетъ дѣло, бывшее на этомъ мѣстѣ.

Донскіе козаки, о которыхъ онъ дѣлаетъ очень нелестные отзывы, въ началѣ боя, увида, вслѣдствіе разсѣявшагося тумана, прусскую кавалерію, стоявшую за болотомъ, бросились на нее мужественно въ аттаку. Слободскіе полки, съ Капнистомъ во главѣ, понеслись также съ ними, наклонивъ свои копья и съ обычнымъ всѣмъ козакамъ гикомъ; но, подскакавъ къ непріятелю и видя, что онъ готовъ ихъ встрѣтить и не удираетъ предъ ними, какъ то обыкновенно дѣлали татары, постыдно повернули тыль и съ неменьшею стремительностью бросились сами уходить назадъ на нашу пѣхоту, которая раздалась въ стороны и пропустила ихъ за фронтъ. Прусская кавалерія ринулась преслѣдовать козаковъ по эскадронно, „текла какъ вѣка быстрая рѣка и ломилась за козаками прямь на нашу пѣхоту.“ По непріятелю стали стрѣлять изъ ружей. Смятеніе произошло страшное и грозило принять опасный характеръ, если-бы стоявшая здѣсь артиллериа не успѣла повернуть своихъ пушекъ и не начала-бы осипать продольными картечными зарядами скачущиѣ эскадроны; огонь причинялъ непріятелю большой уронъ и охладилъ ихъ пыль и стремленіе. Передовой-же эскадронъ прочесся за фронтъ, и разсыпался тамъ и началъ рубить козаковъ и всѣхъ, кто имъ сомкнулся, такъ что пруссаки пошли и были перерублены очнувшимися отъ испуга козаками до послѣдняго человѣка.

¹⁾ Н. Гербелъ. Изюм. слоб. коз. пол., стр. 103.

Харьковский полкъ потерялъ при этомъ пять человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ атамана золочевской сотни, Михаила Кривоченка и одного пушкаря¹⁾). Всѣ-же слобожане потеряли своего главнаго начальника—храбраго бригадира Капниста, который былъ убитъ въ то время, когда прусскій эскадронъ ворвался за нашъ фронтъ²⁾; онъ былъ сраженъ ударомъ палаша въ голову. По окончаніи сраженія, тѣло Капниста было найдено полковниками и старшинами распостертымъ у подбитой пушки, и было узнано только по бригадирскому мундиру. Слобожане съ честью похоронили своего начальника на другой день³⁾.

Между тѣмъ пруссаки, отбитые на всѣхъ пунктахъ, отступили, причемъ это отступленіе, совершенное безъ всякаго порядка, скорѣе походило на бѣгство. Героями дня были два вышеупомянутые пѣхотные полка, пробравшіеся чрезъ лѣсъ съ неимовѣрною трудностью, бросивъ свои пушки и патронные ящики; они очень удачно вышли въ самое нужное мѣсто и бросились неожиданно на непріятеля въ штыки. Полки эти блестяще примѣнили къ дѣлу правило, завѣщанное Петромъ Великимъ, „секундированія единаго другимъ“.

Слобожане-же наши, такъ неудачно дѣйствовавшіе въ этомъ сраженіи, могли воочию убѣдиться въ превосходствѣ регулярнаго строя надъ ихъ козачьимъ, который съ успѣхомъ былъ примѣненъ только въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какимъ являлись татары. Это для нихъ былъ хороший урокъ; въ дѣлѣ при Гроссъ-Егерндорфѣ имъ впервые пришлось столкнуться съ регулярной кавалеріею. Надо, впрочемъ, взять во вниманіе и то, что противникомъ ихъ явилась знаменитая прусская кавалерія Фридриха Великаго, у которой были такие вожди и руководители, какъ Зейдлицъ!

Одержавъ, неожиданно, такую блестящую побѣду, Апраксинъ, которому совѣтовали преслѣдовать пруссаковъ, послу-

¹⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 249.

²⁾ А. Т. Болотовъ, сочин. т. I. Капнистъ, вышедший въ 1711 году изъ Гречіи и вступившій въ русскую службу, былъ пожалованъ въ 1737 г. въ чинъ полковника, въ 1751 г. былъ назначенъ въ чинъ бригадира начальникомъ надъ слободскими полками.—Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 92, св. 417.

³⁾ Н. Гербелъ. Памят. слоб. коз. пол., стр. 104.

шался Ливена, говорившаго, что „на одинъ день двухъ праздниковъ не бываетъ, но довольно и то, что мы ихъ побѣдили“¹⁾), почилъ на лаврахъ, имъ незаслуженныхъ, и позволилъ непріятелю уйти, не пославъ не только ихъ преслѣдовать, но даже наблюдать за ними. Онъ остался на полѣ сраженія, служилъ благодарственные молебны и пировалъ въ своихъ великолѣпныхъ шатрахъ. Сдѣлавъ потомъ вѣсколько „апраксинскихъ“ переходовъ впередъ и простоявъ некоторое время въ виду непріятеля, отъ которого настъ отѣляла только р. Але, русская армія, поразивъ всѣхъ неожиданностью, повернула вдругъ назадъ и пошла въ предѣлы Россіи. При выступленіи въ обратный походъ произошелъ комичный случай: Апраксинъ, рѣшивъ отступленіе, приказалъ произвести его секретно, оставивъ на мѣстѣ козаковъ, артиллерію и гусаръ, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе, но пруссаки настъ предупредили, сдѣлавъ раньше со своей стороны тоже самое: они оставили на мѣстѣ фальшивый лагерь и ушли дальше къ Кенигсбергу. Значить, оба главнокомандующіе какъ-бы боялись другъ друга и спѣшили уходить каждый въ свою сторону²⁾). Армія наша, введенная впередъ Апраксинымъ съ такою преступною медленностью, назадъ пошла такъ быстро, какъ будто бы подъ Егерндорфомъ пруссаки разбили ее на голову и гнались за нею по пятамъ! Даже повозки приказано было жечь³⁾.

Въ виду наступающаго холоднаго времени, конницу приказано было отправить изъ арміи въ Псковъ и Великіе Луки, донскихъ-же и слободскихъ козаковъ, указомъ военной коллегіи, разрѣшалось отпустить домой, на Украину, съ тѣмъ, однако, чтобы слобожане находились тамъ въ полной исправности къ предстоящему въ слѣдующемъ году походу и готовности выступить ранѣе другихъ⁴⁾). Слободскіе полки, отѣлившись отъ арміи съ того мѣста, гдѣ ихъ засталь упомянутый указъ, пошли домой, подъ начальствомъ полковника фонъ-

¹⁾ А. Т. Болотовъ. Сочин., т. I.

²⁾ Ibidem, стр. 538.

³⁾ „Загадочное отступленіе“ Апраксина послѣ Гроссъ-Егерндорфской побѣды, какъ выясняено это изъ настоящеѣ времія, не имѣло ничего общаго съ какою либо измѣнью; оно было слѣдствіемъ тайныхъ указаний канцлера Бестужева, напутанаго болѣзнию Елизаветы и желавшаго въ заботѣ о будущемъ Россіи имѣть армію въ предѣлахъ государства.

⁴⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 238; Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, № 158.

Розенталя, чрезъ Курляндію и Лифландію на Смоленскъ. Въ Митавѣ всѣ полки получили отъ Бестужева-Рюмина на покупку фуражъ и на другіе расходы шесть тысячъ руб.¹⁾. Пріованть-же приказано имъ было получать пзъ магазиновъ, случавшихся по дорогѣ. Изъ г. Ямполя харьковскіе и изюмскіе козаки продолжали путь отдѣльно, подъ командою ротмистра Квитки (Харьковскаго полка). Возвратились харьковцы домой далеко не въ томъ числѣ, въ которомъ выступили: пошло ихъ въ походъ 533 человѣка, изъ того числа убито въ сраженіи 5 козаковъ, въ Польшѣ при магазинахъ оставлено съ однимъ сотникомъ 129, при арміи 12, умерло 33 и безъ вѣсти пропало 6²⁾). Большую потерю понесли козаки въ лошадяхъ. Изъ числа ихъ, бывшихъ при выступлениі въ походъ, пало и брошено было за худобой 672, пропало безъ вѣсти 12, въ Польшѣ при магазинахъ оставлено съ людьми 258³⁾, оставлено при арміи 24; взято въ нее же 44 лошади, изъ которыхъ 11 за плату по $1\frac{1}{2}$ руб. за стоявшую не менѣе 20 руб.⁴⁾, а остальная 33 безъ всякой платы; всего, значитъ, 1010 лошадей⁵⁾. По отпущеніи полка отъ арміи, составъ его, подъ командою полкового есаула Земборскаго, былъ слѣдующій⁶⁾.

Репортъ Харьковскаго полку, количества по отпущеніи отъ арміи состояло, какихъ чиновъ людей и лошадей и съ того числа убыло и затѣмъ находится, лежащіе подъ самы. 6 декабря 1757 года.

	По отпущеніи отъ арміи состояло.		Съ того числа убыло.		За тѣмъ на лицо.		
	Людей.	Лошадей.	Отпущенное въ дни.	Померло людей.	Пало лошадей.	Людей.	Лошадей.
Полковой хорунжій .	1	—	—	1	—	1	—
Сотниковъ.	4	—	—	2	—	2	—
Подпрапорныхъ .	6	—	—	2	—	4	—
Литаврщикъ .	1	—	—	—	—	—	—
Пушкарей.	4	—	—	—	—	4	—
Урядниковъ и козаковъ .	331	508	13	39	199	292	309
Итого .	847	508	17	39	199	304	309

¹⁾ Мос. отд. арх. гг. шт., оп. 47, № 153.

²⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 238.

³⁾ Въ Польшѣ въ семидесятную войну были устроены военные магазины, для охраненія которыхъ оставлены тамъ были войска.

⁴⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 72.

⁵⁾ Хар. истор. арх., отд. I, № 238.

⁶⁾ Ibidem.

Кромѣ того, при отрядѣ было полковое знамя, одна пушка, артиллерийскій фургонъ и ящики съ зарядами.

Изъ рапorta Харьковскаго городничаго о приемѣ, по прибытии изъ похода, полкового и сотенныхъ знаменъ отъ Хорунжаго 2-й Харьковской сотни Семена Мельникова, видно, что полковое знамя было тогда бѣлаго цвѣта; оно посерединѣ и по краямъ было побито; изъ четырехъ сотенныхъ знаменъ, бывшихъ въ походѣ, три были безъ древокъ и безъ копій, а четвертое съ копьемъ, посерединѣ побитое; всѣ они желтаго цвѣта, съ чамоданами (чехлами)¹⁾.

Козаки пришли въ полное разстройство—все свое имущество, все, что только было можно, они дорогою продали. Узнавъ объ этомъ, кн. Кантемиръ, начальникъ Украинской дивизіи, потребовалъ отъ полковой канцеляріи объясненія причинъ, приведшихъ полкъ въ такое состояніе. Въ отвѣтѣ на требование объ этомъ канцеляріи, есаулъ Земборскій доносилъ, что, по отправленіи полка отъ арміи, онъ не получалъ вовсе фуражъ, къ тому-же въ Польшѣ цѣны на сѣно и солому были очень высоки; по дорогѣ вездѣ чувствовался недостатокъ въ фуражѣ, ибо его у самихъ жителей было очень немного, вслѣдствіе неурожая и опустошенія, произведенного въ томъ году саранчою; подножнымъ кормомъ пользоваться было нельзя, ибо стояла сильная стужа съ дождями и снѣгомъ; что козаки продавали свое имущество, чтобы выручить деньги, на которые-бы могли покупать фуражъ²⁾). Возвратившіяся изъ похода лошади были такъ страшно изнурены и попорчены, что не годились для дальнѣйшей службы. Объ изнуреніи лошадей можно судить изъ слѣдующаго случая.

Фельдмаршаль Апраксинъ распорядился, чтобы бумаги и боевой ковъ (меринъ темно-тнѣйной масти) убитаго бригадира Капниста были отправлены на Украину. Подпрапорный Пужковскій, доставившій въ полковую канцелярію сундуки и три связки съ дѣлами, запечатанные печатью полковника Доанца, доносилъ, что хотя ему и было приказано доставить лошадь въ г. Ахтырку, гдѣ жилъ Капнистъ, но что она „такъ устала,

¹⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 238.

²⁾ Мос. отд. арх. гг. шт., оп. 47, св. 153.

что не только въ Ахтырку весть (нельзя), но изъ двора выйти не можетъ“, почему и просилъ позволенія въ Ахтырку ее не отсылать, а оставить здѣсь и поручить кому либо другому¹⁾. Лошадь рѣшили отправить на поправку въ пересѣчанскую сотню; но козакъ Задирихвистъ, которому это было поручено, могъ ее съ трудомъ довести только до Лопинской башни, стоявшей около моста, гдѣ лошадь, вслѣдствіе страшнаго изнуренія, упала и подняться уже не могла, а ночью издохла. Кожа съ нея была снята и представлена при рапорть Задирихвистомъ въ канцелярію²⁾. Въ такомъ-то состояніи вернулась изъ похода лошадь, о которой приказано было имѣть особенное попеченіе.

И снова харбковцы могли съ недоумѣніемъ задавать себѣ вопросъ, зачѣмъ ихъ водили въ Пруссію и какая отъ того кому либо могла быть польза; а вреда имъ этотъ походъ принесъ не мало, очень разстроивъ ихъ материально,—это-то они видѣли и понимали хорошо.

Съ наступлениемъ новаго года предвидѣлась возможность вторичнаго похода въ Пруссію. Слободскимъ полкамъ было предписано озаботиться приведенiemъ въ надлежащую исправность всего, главнымъ-же образомъ укомплектовать лошадей. Съ большимъ трудомъ удалось исполнить это приказаніе, ибо цѣны на лошадей, по причинѣ большого на нихъ спроса, послѣ прусскаго похода, въ которомъ ихъ, какъ мы видѣли, погибло такое множество, стояли на Украинѣ очень высокія. Тревога оказалась ложная — полка не потребовали въ томъ году въ прусскій походъ. Было только приказано набирать въ слободскихъ полкахъ нужное число лошадей въ новоформируемый слободской гусарскій полкъ. И лошадей, купленныхъ съ такимъ трудомъ и такъ дорого, предназначавшихся на укомплектованіе своего полка, стали забирать въ этотъ новый гусарскій полкъ. Лошади брались все лучшія, ибо ремонтеры принимали ихъ очень осмотрительно и многихъ изъ доставляемыхъ имъ коней браковали ³⁾.

¹⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 242.

²⁾ П. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. VI.

³⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 72.

ГЛАВА XV.

Полковник Тевяшевъ.—Забота его о козакахъ.—Трудность управлениія полкомъ въ его время.—Полковой судья Ив. Гр. Ковалевскій.—Кандидатура его.—Назначеніе полковника Куликовскаго.—Просьба сербовъ.—Поселеніе ихъ въ Россіи.—Сформированіе гусарскихъ и пондурскихъ полковъ.—Полковникъ Хорватъ, подполковники Прерадовичъ и Шевичъ.—Командированіе козаковъ въ прикрѣпленіе Славяно-Сербіи.—Положеніе тамъ командированныхъ туда козаковъ.—Жестокость обращенія съ ними сербскаго дворянства.—Протесты козаковъ.—Побѣги.—Требованіе маюра Селяновича.—Объясненіе бѣжавшими козаками причины ихъ побѣга.—Командировки.—Неурядица въ полку.—Отношеніе старшинъ къ своимъ обязанностямъ.—Потери козаками уваженія къ нимъ.—Жалобы на старшинъ.—Жалоба полкового есаула Горлинскаго.—Доносы и жалобы на старшинъ и полковника Куликовскаго.—Слѣдственная комиссія.—Лживое нападеніе козаковъ и разграбленіе имущества старшинъ.—Слѣдственное дѣло, по доносу писара Непицкаго.—Просьба полчанъ къ Императорицѣ.—Ненормальное положеніе дѣлъ въ полку.—Упадокъ дисциплины.—Отправка депутациіи въ Петербургъ.—Смерть Императрицы Елизаветы.

Въ 1757 г. Харьковскій полковникъ Степанъ Ивановичъ Тевяшевъ, по представлению военной коллегіи, былъ уволенъ по болѣзни, согласно челобитью, отъ службы бригадиромъ¹⁾. На долю Тевяшева выпало управлять полкомъ въ самое трудное время, какое когда либо ему приходилось переживать. Лишенный почти власти реформами Шаховскаго, изъ полновластнаго хозяина полка обращенный почти только въ предсѣдателя полковой канцеляріи, полковникъ постоянно долженъ былъ лавировать среди той путаницы отношений, которую создала „коммиссія учрежденія“. Прокомандовавъ при такихъ обстоятельствахъ полкомъ въ теченіи 23 лѣтъ, Тевяшевъ показалъ этимъ, что онъ обладалъ большимъ тактомъ и умомъ, ибо онъ умѣлъ ладить съ полчанами и съ высокимъ генералитетомъ. Намъ ничего неизвѣстно такого, что говорило бы противъ

¹⁾ Г. Квятка. Зап. о слоб. пол., стр. 21.

Тевяшева. Напротивъ, изъ его постоянныхъ отписокъ, въ которыхъ онъ почтительно, но ясно и вразумительно, давалъ понять графамъ всю неосновательность ихъ непомѣрныхъ требованій, можно усмотретьъ много любви и заботы о казакахъ, которыхъ онъ видѣлъ страдающими и которымъ всѣми своими силами старался всегда помочь, выпрашивая у начальства отмѣны командировокъ, страшно тогда мучившихъ казаковъ. Рядомъ съ этимъ, онъ былъ и строгъ къ своимъ подчиненнымъ, требовалъ точнаго исполненія своихъ обязанностей; онъ, не стѣсняясь, грозилъ „лишеніемъ чести и живота“ такому важному полковому старшинѣ, какъ судья. Тевяшевъ принимаетъ также живое участіе въ хлопотахъ по подачѣ прошенія императрицѣ обѣ отмѣнѣ реформъ Шаховскаго. Удача въ этомъ составляетъ свѣтлую минуту его управленія, и казаки его полка были ему тѣмъ обязаны. Грамота Елизаветы Петровны, хотя отмѣнила многое и облегчила жизнь слободскихъ полковъ, но все только отчасти; отягощавшія казаковъ командировки, какъ увидимъ ниже, продолжались, повинности тоже росли со временемъ. Внутреннее состояніе полка было неудовлетворительно, и тотъ-же Тевяшевъ заботился о порядкѣ и исправности. Но что онъ могъ сдѣлать, когда обстоятельства сложились такъ, что полковники подчинились совершенно зависимости русскихъ генераловъ, и бороться съ ними имъ было не подъ силу; поэтому, конечно, они часто и бывали, повидимому, равнодушными къ тому, что дѣлалось въ ихъ полкахъ. Въ этомъ не они были виноваты, а отживающій свое и духу времени неумѣстный уже тотъ строй казачій, который сложился при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ.

Кандидатомъ въ полковники послѣ Тевяшева выступилъ Иванъ Григорьевичъ Ковалевскій, полковой судья Харьковскаго полка. Дѣдъ его, Семенъ, польскій шляхтичъ, но человѣкъ чисто русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, пришелъ изъ-за Днѣпра съ самаго начала поселенія слободскихъ полковъ; онъ заселилъ гг. Ольшану и Новыя Водолаги, защищалъ границы полка отъ набѣговъ ордынцевъ, безпрестанно участвовалъ въ военныхъ походахъ и умеръ отъ полученныхъ въ сраженіяхъ ранъ. Его дѣти и внуки, живя

въ области Харьковскаго полка, всегда занимали въ немъ высшія старшинскія должности. Иванъ Григорьевичъ въ службу вступилъ въ 1729 году, участвовалъ во всѣхъ походахъ, какие только предпринималъ Харьковскій полкъ, и въ 1756 г., будучи въ должности полкового судьи, получилъ атtestатъ, подписанный 66 полковыми и сотенными старшинами всѣхъ пяти слободскихъ полковъ, въ томъ числѣ и полковниками— Григориемъ Лесевицкимъ, Михаиломъ Донецъ-Захаржевскимъ, Степаномъ и Иваномъ Тевяшевыми. Въ атtestатѣ этомъ выставлялись его заслуги и говорилось, что Ковалевскій достоинъ быть Харьковскимъ полковникомъ¹⁾. Но давно уже прошло то время, когда слобожане могли выбирать себѣ полковниковъ по своему усмотрѣнію! Кандидатура Ковалевскаго, любимаго и уважаемаго всѣми, къ сожалѣнію, не пропала, и на мѣсто Тевяшева, по представленію генераль-аншефа (позднѣе генераль-фельдмаршала) графа П. С. Салтыкова и по опредѣленію военной коллегіи, назначенъ былъ Харьковскимъ полковникомъ изъ отставки Матвѣй Прокофьевичъ Куликовскій, сынъ бывшаго Харьковскаго-же полковника Прокофія Васильевича. Въ службу онъ вступилъ въ 1731 г. въ Ахтырскій полкъ, съ 1733 года служилъ въ учрежденномъ тогда слободскомъ драгунскомъ полку, участвовалъ во многихъ походахъ и сраженіяхъ. По расформировані-же драгунскаго полка, былъ уволенъ въ отставку чиномъ подполковника²⁾.

Въ прѣдѣлахъ Австріи жили единовѣрные намъ славянскія племена; они, въ царствованіе императрицы Маріи Терезіи, подверглись притѣсненіямъ со стороны іезуитовъ, преслѣдовавшихъ свои обычныя цѣли. Въ 1751 году сербы, желая избавиться отъ того, обратились къ русскому правительству, съ просьбой принять ихъ въ подданство и позволить поселиться имъ въ Россіи. Просьба ихъ была уважена и имъ отведены были для жительства земли, лежащія за Днѣпромъ. Съ этими выходцами пришелъ изъ Вѣны полковникъ Хорватъ, а также

¹⁾ Моск. отд. арх. гл. шт., оп. 19, св. 66.

²⁾ Ibidem, св. 62 и 67.

офицеры и нижние чины, служившие прежде въ австрійскихъ войскахъ со своими семействами и служителями—всего 218 челов. Эту Хорвату правительство поручило грамотою (отъ 11 янв. 1752 г.) зазывать въ Россію также сербовъ изъ Турціи, болгаръ и волоховъ. Условіемъ ставилось только то, чтобы пришельцы были православнаго вѣроисповѣданія. Хорвату, произведеному въ чинъ генераль-маюра, приказано было сформировать изъ переселенцевъ два гусарскихъ и два пандурскихъ полка, каждый въ четыре тысячи человѣкъ, которымъ назначалось извѣстное жалованіе и давались разныя права и преимущества. Земли эти, гдѣ поселились пришлые славяне, получили название Новосербіи. Для прикрытия этихъ новыхъ подданныхъ построена была крѣпость св. Елизаветы (нынѣ Елизаветградъ). Около того-же времени—въ 1752 году выѣхали въ Россію изъ Вѣнѣ-же подполковники Прерадовичъ и Шевичъ. Правительство произведя ихъ въ чинъ генераль-маюра, поручило имъ набирать полки (по опредѣленію сената отъ 1754 г.), со штатомъ въ двѣ тысячи человѣкъ и посыпало ихъ, съ вышедшими вмѣстѣ съ ними народами, отъ конца Украинской линіи и поселенія ландмилициі, съ донецкой стороны, т. е., отъ г. Бахмута до г. Лугани. Земли эти получили название Славяно-Сербіи¹⁾. Для охраны ея границъ со стороны степей, приказано было посылать отъ каждого слободского полка по 150 козаковъ въ полной воинской исправности и перемѣнять этихъ людей чрезъ каждые два мѣсяца. Команды эти посыпались обыкновенно изъ козацкихъ подпомощниковъ при одномъ сотникѣ, или подпрапорномъ; козаки должны были быть одноконны и удовольствованы провіантомъ. Козаки, отправляемые въ Славяно-Сербію для несенія воинской службы, своего прямого назначенія тамъ не исполняли, а дробились на мелкія команды и попадали къ сербскому дворянству попросту въ работники. Они обрабатывали имъ землю, пахали, сѣяли, косили, т. е. дѣлали то, что съ большею для себя пользою могли-бы дѣлать дома на своемъ хозяйствѣ. По прибытіи команды на смѣну, козаки отыскивали по хуторамъ своихъ товарищѣй и смѣняли ихъ не со службы, а съ работы. У нихъ

¹⁾ Моск. отд. арх. гг. шт., оп. 121, св. 41, дѣло № 1.

обыкновенно отбирали оружіе, припасы и лошадей; ко всему этому присоединилось еще и жестокое обращеніе—ихъ били и смотрѣли на нихъ, какъ на крѣпостныхъ. Командированіе въ Славяно-Сербію было для слобожанъ такъ-же тягостно, какъ и посылка на Украинскую линію; но тамъ было хотя то утѣшеніе, что это общественное дѣло, допустимъ, безполезное, но все-же имѣвшее благую цѣль—защиту ихъ-же отъ татаръ, а вдѣль и того не было: козаки принуждены были работать на совершенно чужихъ для нихъ „братьевъ славянъ“, которые къ тому-же обращались съ ними совершенно не по братски. Въ козакахъ это возбуждало большое неудовольствіе; они жаловались, протестовали, но все это только еще больше ухудшало ихъ положеніе. Оставалось одно обычное спасеніе—бѣгство, къ которому они исправно и прибѣгали, но это спасало только,—и то на время,—отдѣльные личности, а не полкъ, ибо на мѣсто убѣжившихъ сейчасъ-же требовались новые.

Вотъ характерный примѣръ того тягостнаго положенія, въ которомъ находились козаки въ Славяно-Сербії.

Четыре козака Хорошевской сотни, Горюшинъ, Олейникъ, Павлюченко и Шепеленко, прійда съ командою въ Славяно-Сербію нашли своихъ товарищѣй по сотнѣ,—которыхъ имъ нужно было смѣнить, на хуторѣ у премьеръ-маюра Селяновича, нѣсущихъ, по заведенному обычаю, не воинскую службу, а работавшихъ на маюра. Товарищи, конечно, рассказали новоприбывшимъ, что они претерпѣвали тамъ, что дѣлалъ и какъ съ ними обращались. У прибывшихъ, какъ это дѣжалось всегда, отобрали лошадей и оружіе, и ихъ заставили работать. Настроенные рассказами о жестокости обращенія, козаки убѣжали, умудрившись захватить съ собою свое имущество и лошадей. Маюръ Селяновичъ, лишившись рабочихъ, не замедлилъ обратиться въ харьковскую полковую канцелярію съ требованіемъ, въ которомъ говорилъ, что у него „по характеру“ (чину, положенію) положено было въ числѣ другихъ команда быть и четыремъ слободскимъ козакамъ, но что эти четыре козака Хорошевской сотни „безвѣстно со всѣмъ своимъ экипажемъ (имуществомъ) бѣжали, а (онъ) по чину своему въ томъ остался въ обидѣ“. Сообщая объ этомъ, маюръ ему въ томъ остался въ обидѣ¹³.

требовалъ, чтобы полковая канцелярія бѣглыхъ козаковъ розыскала, наказала-бы за побѣгъ и выслала-бы ему или ихъ, или-же на ихъ мѣсто новыхъ. Маіоръ просилъ канцелярію сдѣлать это скорѣе, дабы онъ „не былъ принужденъ о томъ высококомандующій генералитетъ утруждать“.

Но козаки на этотъ разъ не совсѣмъ убѣжали, а трое изъ нихъ—Горюшинъ, Олейникъ и Павлюченко—пріѣхали прямо въ Хорошево, явились къ своему сотнику и доложили, что, по прибытіи въ Славяно-Сербію, маіоръ Селяновичъ забралъ ихъ сейчасъ-же къ себѣ на хуторъ и сталъ заставлять ихъ исполнять свои частныя работы,—пахать землю, полоть огороды, строить избу и т. п.; во времія-же своихъ поѣздокъ въ Бахмутъ брали ихъ, вмѣсто своихъ слугъ. Даїе козаки говорили, что напоминали маіору о томъ, что они присланы были для охраненія границъ, а не для того, чтобы работать на него, но что на ихъ протесты никто не обратилъ вниманія, и это послужило только къ тому, что положеніе ихъ сдѣлалось еще хуже—ихъ стали „бить нестерпимо“. Такого обращенія они не вынесли и поѣхали въ Хорошево для донесенія своему начальству, а не въ побѣгъ, считая себя въ правѣ сдѣлать это, такъ какъ маіоръ не давалъ имъ возможности исполнять своего прямого назначенія—охранять границы, для чего козаки исключительно и были присылаемы по распоряженію высшаго начальства¹⁾.

Вотъ что переносили козаки въ Славяно-Сербіи отъ пріѣзжихъ—„братьевъ-славянъ“, которыхъ правительство облагодѣтельствовало. Послѣ этого неудивительно, что побѣги въ полку и въ царствованіе Елизаветы Петровны, которая такъ милостиво относилась къ слобожанамъ, не прекращались. Къ тому-же, много было еще и другихъ командировокъ. Такъ, въ 1758 году, напр., расходъ людей въ полку былъ слѣдующій: въ Польшѣ, при магазинахъ 118 челов., въ Торѣ, на форпостахъ 80, въ прикрытии Славяно-Сербіи 150; также на форпостѣ у Барвинковой стѣнки, въ главной командѣ на караулѣ, въ ординарцахъ, въ Ростовскомъ драгунскомъ полку по части привіанта, при конномъ кирасирскомъ заводѣ, при

¹⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 265 (1758 г.).

полковой канцеляріи и въ другихъ мелкихъ командировкахъ¹⁾. Неурядица въ полку годъ за годомъ дѣлалась все большая и большая; развелісь побѣги, непослушаніе. Потерявъ всякую самостоятельность, полковые и сотенные старшины перестали входить въ нужды своихъ подчиненныхъ. Всю свою заботу они прилагали къ тому, какъ-бы только побольше извлечь выгодъ лично для себя, почему часто то, что слѣдовало козакамъ, до нихъ не доходило, а размѣщалось по карманамъ ихъ начальниковъ. Сборы, которыми обкладывались полчане на разныя нужды полка, распредѣлялись между ними совершенно произвольно, и контроля въ расходѣ этихъ денегъ не было никакого. Терпя подобная несправедливости, слобожане, вида къ тому-же со стороны своихъ старшинъ полную незаботу о ихъ нуждахъ, не находя въ нихъ къ тому-же никакой защиты отъ властей некозацкихъ, естественно потеряли къ старшинамъ всякое уваженіе. Поэтому жалобы на нихъ сыпались отовсюду, и старшины попадали часто подъ слѣдствіе; но въ прежнія времена дѣло выигрывалъ не тотъ, кто былъ правъ, а, по большей части, тотъ, кто умѣлъ во времія удѣлить что либо изъ своихъ капиталовъ производящему слѣдствіе. Это недовольство полчанъ своими старшинами доходило просто иногда до кулачной расправы. Такъ, напр., полковой есаулъ Макс. Горлинскій жаловался въ полковую канцелярію, что харьковскіе и деркачевскіе жители украли съ его поля весь хлѣбъ, вытравили сѣнокосы и, собравшись большою толпою, явно вырубили его лѣсъ до послѣдняго дерева и, не довольствуясь этимъ, видимо мсти ему за что-то, перепортили въ саду плодовыя деревья, разнесли огорожи и разграбили его дворъ²⁾. Это уже было явное возмущеніе, свидѣтельствовавшее или о страшной распущенности и безправіи, царившихъ въ странѣ, или-же о лопнувшемъ терпѣніи. А лопнуть оно, кажется, могло, если взять во вниманіе, что даже самъ полковникъ Куликовскій былъ далеко небезупреченъ. На него былъ поданъ цѣлый рядъ доносовъ и жалобъ, вызвавшій даже необходимость назначить въ г. Харьковѣ слѣдственную ком-

¹⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 265 (1758 г.).

²⁾ П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. VI.

миссю по этому дѣлу, подъ предѣдательствомъ бригадира Титова (члены-- изъ оберъ-офицеровъ). Сотникъ Константина Протопопова жаловался, что полковникъ Куликовскій удерживалъ жалованіе его за походъ въ Польшу, а съ другихъ вычиталъ по 25 коп. съ рубля; что причинялъ обывателямъ разныя обиды, назначалъ ихъ на частныя работы, что у одного подпрапорнаго замѣнилъ лошадь, стоящую 25 р., девятирублевою¹⁾. Канцеляристъ Довбня доносилъ, что полковникъ Куликовскій, злобясь па него за что-то, посыпалъ его не въ очередь въ разныя командировки; что однажды привели его въ домъ полковника, били палками и топтали ногами, а послѣ содержали безъ причины подъ карауломъ.

Сотникъ Семенъ Антоновъ жаловался Куликовскому, что подпрапорный Фесенко напалъ на его домъ съ козаками и разграбилъ его имущество; но на его членить со стороны полковника не послѣдовало никакой резолюціи. Это намъ извѣстѣ уже второй случай нападенія и открытаго грабительства. Даѣ, тотъ-же сотникъ Антоновъ доносилъ: во времѧ его отсутствія, въ домъ къ нему ворвались три брата Радченко, ранили ножемъ козака Луценко, а козака волчанскої сотни, Андрея Скомороха, случайно тамъ находившагося, убили, изранивъ ножемъ и выпустивъ кинки. Когда это мертвое тѣло было привезено въ полковую канцелярію, то сотникъ Антоновъ, содержавшійся въ то времѧ подъ карауломъ, узнавъ объ этомъ происшествіи въ своемъ домѣ подалъ полковнику рапортъ. Куликовскій его не принялъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Антоновъ, какъ некомандовавшій въ то времѧ сотнею, мѣшаться въ дѣло не имѣлъ права. На самомъ-же дѣлѣ все это было сдѣлано по проискамъ сотника Черняка, пасынка Куликовскаго и родственника убійцы, братьевъ Радченко²⁾. Съ обвиняемыхъ не снимались показанія и дѣло это безконечно долго тянулось.

Подалъ доносъ на Куликовскаго и писарь липецкой сотни Петръ Непышный. Возгорѣвшееся дѣло такъ характерно рисуетъ порядки на Украинѣ, такъ ярко выставляетъ отношенія

между собою старшинъ и козаковъ и трудность добиться по-слѣднимъ какой либо справедливости въ отживающей свой вѣкъ слободской Украинѣ, что мы приведемъ здѣсь весь ходъ слѣдствія по этому дѣлу. Въ доносѣ своемъ Непышный взводилъ на Харьковскаго полковника слѣдующія немаловажныя обвиненія: Куликовскій принуждалъ козаковъ продавать женъ своей земли, платя за нихъ, по своему усмотрѣнію, очень небольшія деньги; во времѧ пребыванія полка въ компаментѣ на р. Комышеватѣ открылъ тамъ лавку и приказывалъ козакамъ своего полка покупать въ ней сѣстные и питейные припасы по произвольно установленной имъ-же цѣнѣ, конечно, притомъ очень высокой, запрещая братъ таковыя гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Доносилъ, что Куликовскій, накупивъ на полковыя деньги лошадей, якобы подъ артиллерію, принуждалъ послѣ козаковъ, у которыхъ умышленно и пристрастно браковалъ лошадей, покупать ихъ по очень высокой цѣнѣ у себя, наживая, такимъ образомъ, большія деньги; писалъ, что полковникъ установилъ пошлины съ товаровъ на ярмаркахъ въ свою пользу, вопреки всѣмъ грамотамъ царскимъ, гарантировавшимъ козачьи привилегіи. Обвинялъ Непышный Куликовскаго и въ уклоненіи отъ исполненія служебныхъ обязанностей, говоря, что онъ, будучи назначенъ съ полкомъ въ прусскій походъ, не дошелъ даже до г. Валокъ, а подъ вымыслиеннымъ благовиднымъ предлогомъ возвратился обратно. Часть-же денегъ, предназначенныхъ на военные расходы, удержалъ у себя и не выдавалъ также слѣдуемаго козакамъ жалованія. О послѣднемъ, въ свое время, было донесено бригадиру Банческулу, но онъ не произвелъ по этому дѣлу никакого слѣдствія и самого доносчика послѣшилъ услать въ дальнюю командировку. Наконецъ, Непышный обвинялъ Куликовскаго еще и въ томъ, что онъ опредѣлилъ въ липецкую сотню сотникомъ своего пасынка Черняка, причинявшаго козакамъ всевозможныя обиды, державшаго прежняго сотника и сотенныхъ старшинъ при себѣ для своихъ личныхъ услугъ. Многіе козаки той липецкой сотни, не имѣя возможности сносить долѣе всѣхъ этихъ притѣсненій, покидали свои дома и записывались въ подданство въ другихъ сотняхъ. Обо всѣхъ дѣяніяхъ Черняка Непышный

¹⁾ Хар. ист. арх. Отд. I, № 302.

²⁾ Ibidem, отд. I, № 315.

донесъ Куликовскому рапортомъ, думая, что найдетъ у него защиту, но полковникъ рапортъ этотъ отдалъ Черняку, за что онъ и былъ Непышнаго немилосердно. Потерпѣвъ неудачу и не найдя правды у своего полковника, Непышный прибѣжалъ къ генералъ-лейтенанту кн. Кантеміру (начальникъ Украинской дивизіи) съ жалобою уже на самого Куликовскаго, подробно разсказавъ ему о всѣхъ тѣхъ беззаконіяхъ, которыя творятся въ полку. Кн. Кантеміръ приказалъ изслѣдовать это дѣло Банческулу, который уже одинъ разъ, какъ мы видѣли, не пожелалъ дѣлать непріятное Куликовскому. И на этотъ разъ также Банческуль, вместо всякого разслѣданія, отоспалъ Непышнаго въ распоряженіе Куликовскаго, по приказанію котораго, его страшно избили и посадили подъ караулъ. Бу-дучи всячески притѣсняемъ во время своего сидѣнія подъ арестомъ, Непышный, чтобы вырваться на свободу и продолжать свое исканіе суда надъ Куликовскимъ, подписалъ „по-корное доношеніе“, гдѣ говорилось, что онъ на полковника доносилъ якобы неправильно. Конечно, Куликовскій управлялъ полкомъ, подобно отцу своему, очень недобросовѣстно и во всемъ этомъ дѣлѣ, повторяя, былъ далеко небезупре-ченъ, если вынуждалъ подобное доношеніе, не хотѣлъ и бо-ялся допустить дѣло до суда. Когда-же оно однако, туда по-шло, то всячески отъ него уклонялся, рапортовался больнымъ и не поѣхалъ, напримѣръ, въ Бѣлогородъ на судъ, когда было приказано, „не взирая ни на какія отговорки отправить его“ туда¹⁾). Непышный-же, чувствуя, видимо, правоту своего доно-са, не побоялся тягаться при тогдашихъ-то порядкахъ съ богатымъ и потому всесильнымъ полковникомъ.

Послѣ своего освобожденія, Непышный вторично явился къ кн. Кантеміру, разсказалъ, какъ исполняются его приказы о разслѣданіи дѣла, и объяснилъ ему цѣль поданного изви-нительного доношенія. На этотъ разъ кн. Кантеміръ поручилъ произвести слѣдствіе въ г. Ахтыркѣ одному старшинѣ, но и это его распоряженіе не привело ни къ чemu, ибо въ Ахтырку не были отправлены нужные свидѣтели—сотники, писаря и казаки, почему и самое слѣдствіе не могло производиться.

¹⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 415.

Сознавая свое бессиліе и принимая, видимо, участіе въ Не-пышномъ, правоту котораго онъ видѣлъ, хорошо зная по себѣ слободскіе порядки¹⁾, кн. Кантеміръ отправилъ Непышнаго въ Петербургъ, для принесенія имъ лично жалобы правитель-ствующему сенату, и выдалъ ему паспортъ, подъ тѣмъ пред-логомъ, будто-бы Непышный посыпается имъ съ „нужными дѣлами“. Не велика была, значитъ, власть командующаго вой-сками, если ему нужно было прибѣгать къ подобнымъ улов-камъ! Но и въ Петербургѣ ждала Непышнаго неудача: его тамъ арестовалъ и изъ сената препроводили въ военную кол-легію, которая притомъ прочла нравоученіе кн. Кантеміру, чтобы онъ на будущее время подобныхъ папиротовъ не вы-давалъ („нужныхъ дѣлъ“ при писарѣ не оказалось) и требовала объясненія, почему онъ такъ поступилъ. Все это случилось въ 1761 году.

Съ того времени дѣло начало переходить отъ генерала къ генералу, изъ суда въ судъ, но нигдѣ не оканчивалось. Преж-де всего военная коллегія предписала изслѣдовать дѣло „въ немедленномъ времени“ (указъ отъ 11 мая 1761 года) гене-раль-аншефу Стрешневу, для чего постановлено учредить особую комиссию и, если окажутся доносы справедливыми, „хотя въ маломъ въ чёмъ“, то Куликовскаго отъ командованія полкомъ устранить, назначивъ на его мѣсто способнаго и достойнаго старшину. Предписывалось притомъ родственни-ковъ злополучнаго писаря не обижать, а относительно земель,

¹⁾ Рѣдко кто изъ власти имущихъ на Украинѣ былъ въ то время безупре-ченъ; даже лица, занимавшія такія высокія мѣста, какъ кн. Кантеміръ, были сами грѣшины въ томъ, въ чёмъ обвинялся и Куликовскій. Князь Константина Антіо-хіевича Кантеміръ былъ отрѣшены отъ командованія позками Высочайшимъ при-казомъ (1763 г. 5 марта) (на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-майоръ Паско-чинъ) за то, что укрѣплялъ безденежно за своею жену земли, назначалъ коза-ковъ на свои личныя работы и бралъ взятки. Изъ казенныхъ денегъ, безъ вся-каго законнаго основанія, взялъ онъ 2121 руб. 26 коп., которыхъ и не возвра-тилъ. „Хотя (говорится въ указѣ) за все это и подлежитъ (Кантеміръ) военному суду, но мы изъ единаго милосердія за услуги въ минувшую войну, а особенно за особую вѣрность шурина его камергера Пассека... (назначили его) въ от-ставку именнѣмъ чиномъ (указъ 15 марта 1765 года)“. Кантеміръ въ взводи-мыхъ на него преступленіяхъ сознался и былъ уволенъ отъ службы, однако, да-же съ пансіономъ въ 1500 руб. въ годъ—„по его ппостранству“. Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 109, № 62.

которая Куликовский репрессивными мѣрами покупалъ у казаковъ своего полка, приказывалось учинить разслѣдованіе въ Бѣлгородской губернскій канцеляріи.

Между тѣмъ къ Непышному, который все время содержался подъ арестомъ (Куликовскій постарался сдѣлать его положеніе тамъ очень тягостнымъ, на что писарь приносилъ жалобу въ слѣдственную комиссию), являлся презусъ этой комиссіи, подосланый, видимо, Куликовскимъ, и уговаривалъ его повидаться съ нимъ, поговорить и подать снова извинительное доношеніе. Снова Непышный подписываетъ „покорное доношеніе“, доставляетъ тѣмъ себѣ благопріятный случай и бѣжитъ въ Москву (1762 года), пытаясь еще разъ добиться справедливости. Энергичнаго, но злосчастнаго писаря всюду преслѣдовала неудача: его тамъ, по приказанію генераль-аншефа гр. Девьера, арестовали и отправили съ прaporщикомъ ландмилиции Кондаковымъ въ слѣдственную комиссию, где посадили подъ караулъ, заковавъ, на этотъ разъ, въ кандалы.

Комміssія, засѣдавшая въ Харьковѣ, разобравъ дѣло, напила доносы Непышнаго (и Довбня) неосновательными, а доносятеля достойнымъ наказанія. Но, имѣя въ виду то, что они уже „притерпѣли много“, рѣшила за лучшее это дѣло такъ оставить. Съ подобнымъ рѣшеніемъ не согласились, и дѣло долго еще тянулось. Попало оно, по указу военной коллегіи (1763 года 28 окт.), вмѣстѣ съ другими дѣлами, возникшими по доносамъ на Куликовскаго, къ генераль-аншефу Олицу, но и тутъ окончено не было.

Послѣ появленія въ Слободской Украинѣ премьер-маиора Щербинина, облеченного государынею большою властію, оно было передано, въ силу указа военной коллегіи (1764 года 12 марта), ему. Несчастный писарь Непышный по прежнему изнывалъ подъ арестомъ, а полковникъ Куликовскій, надъ которымъ тяготѣло столько обвиненій, продолжалъ стоять у власти. Наконецъ, дѣло это разсмотривалось въ генеральномъ военномъ судѣ, засѣдавшемъ на украинской линії, въ крѣпости св. Михаила. Непышнаго обвиняли въ слѣдующемъ: въ бѣгствѣ изъ-подъ караула въ Москву, въ доносѣ на Куликовскаго, юридически сдѣлавшагося ложнымъ, послѣ поданнаго

имъ извинительного доношенія. Обвинялся онъ также еще въ томъ, что будто писалъ на полковника разные пасквили, которые и были представлены въ судъ послѣднимъ. Непышный не признавъ на нихъ своей подписи и доказывалъ, что они подложны. Не удалось ему доказать свой доносъ и по дѣлу о насильственномъ приобрѣтеніи Куликовскимъ земель, хотя имъ и былъ представленъ подробный списокъ, у кого была куплена земля и сколько за нее платилось.

Но если Непышный и не могъ доказать того предъ судомъ, то можемъ теперь легко это сдѣлать мы, приведя здѣсь сохранившійся въ дѣлахъ рапортъ Харьковской полковой канцеляріи (отъ 12 апрѣля 1765 года), пѣтъ котораго видно, что „по народнымъ жалобамъ дѣламъ“ съ „извинившихся“ полковника и старшинъ (въ силу указа правительствующаго сената отъ 23 марта 1765 года) было повелѣно взыскать деньги—„общной суммы“—6019 руб. 40 коп., пошлинь 607 р. 5 коп. и гербового сбора 8 руб. 28 коп., всего 6634 руб. 73 коп. Это лучшее доказательство справедливости доноса Непышнаго и виновности Куликовскаго, признавшаго себя виновнымъ. Остается удивляться, какъ это удалось ему доказать свою „правость“ и „винность“ доносителей. Въ томъ-же генеральномъ судѣ разбирались также и жалобы другихъ лицъ на полковника и на всѣхъ причастныхъ этому дѣлу старшинъ, соподчинниковъ Куликовскаго въ его корыстныхъ дѣяніяхъ: соподчинниковъ Черняка, Мосцевого и полковаго писаря Романовскаго.

Изъ донесенія Щербинина въ военную коллегію видно, что въ 1766 г. это дѣло, начатое въ 1760 г., не приведено было въ какому либо окончательному решенію. По переформированию слободскихъ полковъ въ регулярные гусарскіе, эти слѣдственная дѣла (какъ „некасающіяся до полковъ и теперь почти партикулярныя, подлежать болѣе гражданскому суду“) переданы были Щербининомъ въ слободскую губернскую канцелярію, но, не принятая ею, направлены имъ были снова въ военную коллегію. Словомъ, это дѣло въ окончательной формѣ решено нигдѣ не было. Въ аттестатахъ, выдаваемыхъ Куликовскому, вездѣ говорится, что на судѣ „во всемъ открылась правость (Куликовскаго), а показанныхъ доносителей

и просителей винность¹. Значить, судь оправдалъ полковника даже въ взводимомъ на него обвиненіи въ насильственномъ пріобрѣтеніи земли, въ томъ преступлениі, виновнымъ въ которомъ онъ призналъ себя самъ. Онъ долженъ былъ бы отвѣтить также за бездѣйствие власти, за дозволеніе завѣдомо старшинамъ притѣснять полчанъ, участвуя даже съ ними за одно. Ясно, что полковникъ Куликовскій не могъ быть безгрѣшнымъ. Это можно уже заключить изъ того упорства, съ которымъ Непышный, пришедшій въ крайнюю бѣдность, поддерживалъ обвиненіе, и большого числа жалобъ и доносовъ, поданныхъ полчанами на полковника—своего притѣснителя. За Куликовскимъ, числилось 1400 душъ подданныхъ черкасъ; поэтому онъ, будучи очень богатъ, легко могъ отъ всѣхъ откупаться, что было въ обычай, и рѣдкій судья того времени не былъ Шемякою.

Куликовскій хотя не былъ наказанъ по заслугамъ, но все же это послужило ему помѣхой при расформированіи слободско-скіхъ полковъ оставаться на службѣ, чего онъ хотѣлъ и испытать въ своей членовитной. Его даже отставили отъ службы не въ чинѣ полковника, какъ Боярскаго и Тевяшева—ахтырскаго и острогожскаго полковниковъ, бывшихъ гораздо моложе его по службѣ, а только подполковникомъ арміи, т. е. тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ состоялъ уже болѣе двадцати лѣтъ. И только въ 1768 году ему удалось добиться своего желанія—получить чинъ полковника въ отставкѣ, благодаря непонятному старанію Щербинина—онъ подалъ рапортъ въ военную коллегію, въ которомъ просилъ уволить Куликовскаго въ отставку съ награжденіемъ чиномъ полковника, говоря, что подобную награду онъ заслужилъ своею долговременною и «безпорочною» службою, участіемъ во многихъ походахъ, въ томъ числѣ и въ прусскомъ. Покрывши въ этомъ случаѣ Щербининъ душою, благоволя почему-то къ Куликовскому. Онъ пишетъ, что полковникъ доказалъ на судѣ свою невиновность, между тѣмъ, какъ вышеприведенный рапортъ полковой канцеляріи, о взысканныхъ деньгахъ за землю, поступилъ, вѣдь, къ нему-же; следовательно, онъ зналъ о виновности полковника. Щербининъ въ выданномъ атtestатѣ говорить обѣ уча-

стіи Куликовскаго въ прусскомъ походѣ, въ дѣйствительности же онъ въ немъ не былъ. Едва-ли, чтобы то могло быть ему неизвѣстно, ибо съ 1757 года прошло тогда еще только десять лѣтъ²).

Таково-то было положеніе дѣлъ въ полку Харьковскомъ къ концу царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Подобное-же творилось и въ другихъ слободскихъ полкахъ. Снова полчане, не видя иного выхода, согласясь между собою, рѣшили обратиться къ императрицѣ. Въ составленной просьбѣ, они объясняли ей «бѣдственное положеніе края» и просили о мѣрахъ къ устраненію его³). Императрица разъ уже исполнила ихъ просьбы, они за то ее благодарили; но отмѣна реформъ прошлаго царствованія и возстановленіе прежняго порядка не принесли желаемаго результата. Въ краѣ настала полная распущенность, непослушаніе было въ порядке вещей, дисциплина отсутствовала; полкъ пришелъ, какъ мы видѣли, въ крайнее разстройство. Существующій порядокъ вещей былъ уже неумѣстенъ—онъ приносилъ съ собою только отягощеніе жителемъ и вредъ государству, ибо плохая была надежда на полки, находившіеся въ такомъ печальному состояніи. Страну могло спасти только одно—это коренная реформа всего, и она была уже недалеко. Прошеніе къ императрицѣ повезли въ Петербургъ острогожскій полковникъ Тевяшевъ и сумской полковой писарь Вартановскій. Въ то время дѣла дѣлались не скоро, да и трудно было къ тому-же вдругъ придумать эти „мѣры“, долженствовавшія принести съ собою возвращеніе порядка и благосостоянія жителямъ.

Три года³) сидѣла депутація въ Петербургѣ, терпѣливо ожидая рѣшенія, и не дождалась—императрица Елизавета Петровна умерла, не сдѣлавъ ничего для удовлетворенія просьбы казаковъ.

¹⁾ Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 109, св. 62, 64 и 67; оп. 92, св. 419.

²⁾ II. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. VI.

³⁾ Ibidem.

принять участие въ содержании жившихъ въ Петербургѣ депутатовъ¹⁾). Нововыбранного отъ полка депутата приказано было снабдить деньгами и выслать, чиля по указу „самостро-жайшее исполненіе“. За деньгами остановки не было—ихъ взяли изъ суммы²⁾, предназначенней и собранной въ полку, для пріобрѣтенія однокалиберныхъ ружей, покупки сабель и другихъ полковыхъ нуждъ по части снаряженія. Депутатомъ отъ полка былъ назначенъ сотникъ Иванъ Ковалевскій, которому вручили на необходимые расходы 230 руб.³⁾; сотникъ этотъ, конечно, по тогдашимъ порядкамъ, не примирился по ломаться, пытаясь отговориться отъ поѣздки „имѣющеюся немощью“.

Слободская депутація, съ полковникомъ Тевяшевымъ во главѣ, по окончаніи коронаціи, подала императрицѣ новое прошеніе, въ которомъ просила ее прекратить „народная изнеможенія“⁴⁾.

Въ отвѣтъ на эту просьбу, послѣдовало повелѣніе государыни о назначеніи комиссіи, поручаемой лейбъ-гвардіи секундъ-маиору Щербинину, которому указомъ (11 марта 1763 г.) предписывалось тщательно изучить причины, отъ которыхъ происходили въ слободской Украинѣ беспорядки.

Для выполненія этой нелегкой задачи Щербинину понадобилось пять полковъ по одному старшинѣ, которые бы „хорошо знали всѣ порядки полковые“ и могли бы выяснить ему причину всего зла. Онъ обратился къ бригадиру Бринку, прося прислать таковыхъ къ нему въ Петербургъ. Исполняя эту просьбу, Бринкъ отдалъ приказаніе выбрать въ каждомъ полку одного старшину, удовлетворявшаго бы требованіямъ Щербинина, и выслать его въ Петербургъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ могъ прибыть туда къ 1 сентября 1763 г. Харьковской канцеляріи предстояла выборъ между слѣдующими лицами: обознымъ Иваномъ Ковалевскимъ, есаулами Максимомъ Горлинскимъ и Иваномъ Земборскимъ, сотникомъ Андреемъ Петровскимъ и ротмистромъ Иваномъ Нестеровымъ.

¹⁾ Хар. ист. арх. Отд. I, № 336.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ П. Головинскій Слоб. коз. пол., гл. VI.

ГЛАВА XVI.

Назначеніе депутаціи, для поздравленія императрицы Екатерины II.—Просьба полковника Острогожского полка Тевяшева о высылкѣ денегъ.—Подача депутатами прошенія.—Предписаніе секундъ-маиору Щербинину.—Требование присыпки къ нему ского взѣ старшииа.—Затрудненіе, встрѣченное канцеляріею, при отправлении старшииа въ Петербургъ.—Необходимость реформы.—Высочайший манифестъ объ учачтоженіи слободского козачества.—Оставление жителемъ прежнихъ льготъ.—Инструкція губернатору Слободской-Украинской губерніи.—Учрежденіе „экспедиціи формированія слободскихъ гусарскихъ полковъ“.—Переформированіе козачьихъ полковъ въ регулярные гусарскіе.—Образованіе Слободской-Украинской губерніи.—Введеніе подушного оклада.—Судьба козакиахъ старшииа.—Дворянское депутатское собрание и вотчинныхъ дѣлъ департаментъ.—Протести старшииа противъ реформы.—Письма изюмского полковника Краснокутскаго.—Атаманъ Васильковскій и его стараніе объ отправлении депутаціи.—Неудачи.—Дальнѣйшая судьба его и другихъ старшииа.—Волненіе среди народа.—Бунты.—Заключеніе.

По восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, въ виду готовившейся ея коронаціи, приказано было составить въ слободскихъ полкахъ депутацію, для поздравленія „по долгу рабства“¹⁾. Приказаніе это послѣдовало отъ высшаго начальства, въ силу котораго каждый полкъ долженъ былъ выбрать по одному „хорошему“ старшинѣ. Депутатамъ, по полученіи паспортовъ отъ кн. Кантемира, нужно былоѣхать въ Москву и явиться къ острогожскому полковнику Тевяшеву, все еще сидѣвшему въ столицѣ съ писаремъ сумскаго полка Вартановскимъ, въ ожиданіи резолюціи на поданное отъ полковъ прошеніе. Съ разрѣшеніемъ ближайшаго начальства, Тевяшевъ просилъ, чтобы всѣ полки высыпали ему деньги на необходимыя издержки, ибо хлопоталъ онъ по общему дѣлу. А такъ какъ Харьковскій полкъ на содержаніе просителей денегъ еще ни разу ни посыпалъ, то ему и было предписано

¹⁾ Хар. ист. арх. Отд. I, № 336.

Выборъ паль на Петровскаго, которому было и приказано для снабженія его всѣмъ явиться въ полковую канцелярію¹⁾. При назначеніи старшины къ отправленію въ Петербургъ, обнаружилось во всей своей красѣ безсиліе канцеляріи и полковника, а также отсутствіе всякой дисциплины въ полку. Петровскій, получивъ ордеръ о назначеніи, въ канцелярію не явился, а сказался больнымъ; канцелярія на этотъ разъ не повѣрила и пыталась оказать нѣкую энергию: она приказала подпрапорному Черноглазову Ѹхать на хуторъ къ Петровскому и, не взирая ни на что, привести въ исполненіе предписаніе, т. е. выслать его въ Петербургъ. Подпрапорный донесъ, что Петровскій болѣнъ настолько, что даже выйти изъ хаты не въ состоянії. На это послѣдовалъ вторичный ордеръ Черноглазову о томъ-же. Подпрапорный на этотъ разъ уже донесъ, что онъ пытался неоднократно исполнить предписаніе канцеляріи, но что Петровскій Ѹхать категорически отказался. Тогда канцелярія прибѣгла къ слѣдующей неблаговидной и подрывающей дисциплину мѣрѣ: рядовому козаку вручили строжайшую инструкцію доставить Петровскаго въ полковую канцелярію, не взирая ни на какія его отговорки. Пріказаніе это было исполнено, но Петровскій и тамъ рѣшительно заявилъ, что по старости лѣтъ и болѣзни, происходившей отъ выбитаго лопадью ребра, онъ въ командировку не побѣдетъ. Его, наконецъ, оставили въ покоѣ, а ордеръ Ѹхать въ Петербургъ отправили Земборскому. Не явился въ канцелярію и этотъ, рапортуюсь больнымъ. И за этимъ былъ посланъ козакъ. Представленный въ канцелярію, Земборскій стоялъ на своемъ; его освидѣтельствовали и нашли больнымъ.

Всѣдѣствіе отказа этихъ двухъ старшинъ, харьковская канцелярія находилась въ большомъ затрудненіи, ибо оставались Ковалевскій, Горлинскій и Нестеровъ, но всѣ они находились подъ слѣдствіемъ, почему она и не рѣшалась ихъ назначить. За разясненіемъ этого труднаго вопроса обратилась къ бригадиру Бринку, но тотъ отвѣтилъ, что такъ какъ комиссія, зная это обстоятельство, все-таки назначила этихъ старшинъ къ выбору, то онъ поэтому канцеляріи приказываетъ, не

1) П. Головинскій. Слоб. коз. пол., гл. VI.

утруждая его напрасною перепискою, точно исполнить предписаніе начальства. Тогда ордеръ о назначеніи Ѹхать въ командировку былъ посланъ Горлинскому, но и этотъ поспѣшилъ заявить, что Ѹхать не можетъ по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ и по болѣзни; его освидѣтельствовали и также нашли больнымъ. Канцелярія снова обратилась къ Бринку, но бригадиръ сдѣлалъ строгій выговоръ засѣдавшимъ въ ней за нерадѣніе и предписалъ вторично исполнять указы. Въ отвѣтъ на посланное предписаніе Ковалевскому Ѹхать въ Петербургъ, послѣдовалъ отъ него рапортъ о болѣзни. Оставилъ, наконецъ, одинъ Нестеровъ, который и былъ назначенъ; но такъ какъ онъ себя, вѣроятно, хуже другихъ не считалъ, то Ѹхать не согласился и заявилъ, что болѣнъ; освидѣтельствовали и этого и также нашли больнымъ.

Наконецъ, полковой канцеляріи посчастливилось найти сгущаваго сотника Якова Бородаевскаго, вручивъ которому 101 руб., она поспѣшила отправить его въ Петербургъ¹⁾.

Лучшаго доказательства тѣхъ безпорядковъ, которые проходили въ полку, не нужно! Можно-ли было правительству оставить существовать Слободскую Украину при тѣхъ жалкихъ условіяхъ, при которыхъ она доживала свой вѣкъ. Комиссія было не трудно убѣдиться въ томъ и прийти къ заключенію, что единственою, цѣлесообразною реформою, которая-бы могла положить конецъ сразу, всѣмъ этимъ несообразностямъ, происходящимъ отъ смѣшанного управления воинскаго съ гражданскимъ, можетъ быть только полное уничтоженіе казачества, которое, по измѣнившимся политическимъ условіямъ, являлось уже излишнимъ, препятствовавшимъ только развитию гражданственности въ странѣ. Въ этомъ духѣ былъ составленъ отчетъ Щербинина, и слѣдствіемъ его явился высочайшій манифестъ, въ которомъ императрица говорила, что „полное нахождя удовольствіе въ благоденствіи подданныхъ“, она не могла оставить безъ вниманія того, что творилось въ слободскихъ полкахъ, почему и рѣшила собственно для ихъ-же пользы „непрочную“ службу слободскихъ казачьихъ полковъ превратить „въ лучшую и государству полезнѣйшую“. Этимъ

1) П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. VI.

манифестомъ козачество уничтожалось совершенно; всѣ жители Слободской Украины сравнивались съ прочими русскими подданными; но „безъ нарушенія указами не отмѣненныхъ привилегій“, что уже являлось немалымъ утѣшениемъ¹⁾, ибо, устранивъ все, что причиняло слобожанамъ тягости, манифестъ этотъ оставлялъ жителямъ всѣ ихъ прежнія льготы: свободное владѣніе землями и всѣми угодьями, беззборочное винокуреніе, особенно приносившее выгоды обывателямъ, беспошлиновая продажа вина, соли и т. п.²⁾). Это-же подтверждала и инструкція губернатору Слободской губерніи, гдѣ ему приказывалось управлять страною, вообще руководствуясь общими постановленіями для имперіи, но при условіи, если это „не можетъ касаться и повреждать данныхыхъ и конфирмованныхъ слободскимъ полкамъ и ихъ жителямъ привилегій“³⁾.

Для переформированія прежніхъ козачьихъ полковъ въ регулярные, учреждена была въ Харьковѣ „Экспедиція формированія слободскихъ гусарскихъ полковъ“⁴⁾) предсѣдателемъ ея былъ назначенъ тотъ-же Щербининъ, который и началъ свою работу, проводя реформу мягко, безъ лишней крутой ломки. Всѣ слободскіе полки были переформированы, удержавъ свои старинныя коренныя названія. Полкъ, служащій предметомъ нашихъ изслѣдованій, сталъ называться „Харьковскимъ полевымъ гусарскимъ“. Такъ какъ дальнѣйшая історія Харьковскаго полка, вошедшаго съ этого времени въ новую фазу своего существованія, составить вторую часть нашего труда, гдѣ мы постараемся изложить всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ произошло это переформированіе, то здѣсь мы только скажемъ еще о судьбѣ старшинъ, козаковъ и другихъ членовъ прежняго козацкаго строя и о томъ, какъ отнеслись всѣ они къ уничтоженію ихъ древнихъ порядковъ.

Вся прежняя территорія слободскихъ полковъ была преобразована въ „Слободскую Украинскую губернію“, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ; область каждого полка названа

провинцію, а для управлениія этими провинціями въ каждой учреждены были шесть коммисарствъ. Слободской гусарскій полкъ, сформированный въ царствованіе Елизаветы Петровны (1757 г.), приказано было раскассировать. Всѣ сборы, которыми обложены были слобожане на содержаніе своихъ полковъ, теперь отмѣнялись, а, вмѣсто нихъ, назначался подушный окладъ съ казенныхъ войсковыхъ обывателей, въ которыхъ обратились прежніе козачьи подпомощники и подсосѣдки, въ размѣрѣ 95 коп. съ пользавшихся правомъ винокуренія и по 85 коп. съ непользавшихся этимъ правомъ; съ владѣльческихъ-же крестьянъ, что носили прежде название подданыхъ, бралось по 60 коп. съ души¹⁾.

Полковымъ и сотеннымъ старшинамъ было предложено или продолжать службу въ регулярныхъ гусарскихъ полкахъ, или уйти въ отставку. Старшины принимались на службу на слѣдующихъ основаніяхъ: полковники, бывшіе въ сраженіяхъ противъ непріятеля, принимались въ гусары, а также иувольнялись въ отставку подполковниками; обозные переходили въ премьер-маиоры; небывшіе въ сраженіяхъ—чиномъ ниже—въ секундъ-маиоры, этимъ-же чиномъ поступали и полковой судья. Остальные члены полковой старшины—есаулы, хорунжій и ротмистръ, бывшіе въ сраженіяхъ принимались—капитанами, небывшіе—поручиками; сотники—поручиками и пра-поручиками. Въ статскую службу полковые старшины (кромѣ полковыхъ обозныхъ) увольнялись титуллярными совѣтниками; писаря—секретарями; наконецъ, подпрапорные, аттестованные на должность сотниковъ, поступали вахмистрами, а остальные—унтеръ-офицерами и капралами²⁾.

Щербининъ приказалъ къ назначенному числу собраться въ Харьковѣ всѣмъ козацкимъ старшинамъ и подпрапорнымъ, которымъ канцеляріи должны были представить списки и аттестаціи, но на этотъ смотрѣ не явились ни единой души³⁾.

Часть ранговыхъ козаковъ Харьковскаго полка попала въ гусары, остальные-же, 386 человѣкъ, были распущены по до-

¹⁾ Манифестъ отъ 28 июля 1765 г. Пол. соб. зак., т. XVII, № 12440.

²⁾ Квятка. Зап. о слоб. пол., стр. 22.

³⁾ Пол. соб. зак., т. XVII, № 12430.

⁴⁾ Хар. пест. арх., отд. IV, № 3.

¹⁾ Топограф. опис. Хар. намѣст., стр. 18.

²⁾ П. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. VII.

³⁾ Ibidem.

мамъ¹⁾). Лицамъ дворянскаго происхождения предложено было представить доказательство на это достоинство и записаться въ книгахъ дворянскаго депутатскаго собранія; кто-же не пожелалъ, или не могъ того сдѣлать, попалъ въ подушный окладъ²⁾. Былъ также учрежденъ „вотчинныхъ дѣлъ департаментъ“, въ которомъ утверждались права собственности жителей Слободской Украины на владѣніе нѣкогда занятыми ими землями³⁾.

Хотя реформа, введенная въ полки Щербининымъ, благодаря его умѣнію и мягкости, прошла довольно благополучно, безъ особыхъ осложненій, которыхъ можно было ожидать при коренной замѣнѣ всего прежняго порядка управлениія въ странѣ, но все-же безъ нѣкотораго протesta со стороны слобожанъ не обошлось. Главнымъ образомъ, реформа могла быть непріятна для полковыхъ старшинъ, которые, при отсутствіи точно опредѣленныхъ сборовъ на содержаніе полка и контроля въ расходѣ денегъ, часто не забывали и себя, пользуясь остатками и другими выгодами, почему и протесты начали исходить отъ нихъ. Во время подготовительныхъ къ реформѣ работъ, въ Петербургѣ жилъ изюмскій полковникъ Краснокутскій. Узнавъ, что слободскому козачеству грозитъ полное уничтоженіе, онъ, печалясь естественно тѣмъ, написалъ письма изюмскимъ старшинамъ, въ которыхъ, сообщая имъ о томъ, умолялъ, даже съ „употребленіемъ слезъ“⁴⁾, снайти депутатію, которая-бы исходатайствовала въ Петербургѣ сохраненіе прежнихъ порядковъ, чтѣ, по его словамъ, сдѣлать еще было не поздно. Какъ приняли старшины эти письма — неизвѣстно, ибо изюмская полковая канцелярія позднѣе заявляла, что старшины этихъ писемъ не получали вовсе. Но эти письма ходили между жителями въ Изюмѣ; — известно, что начальнико было даже собирать деньги на посылку депутатовъ, опредѣляя нужную для того сумму въ 700 руб. Особенно съ большимъ усердіемъ распространялись эти пись-

¹⁾ Хар. ист. арх. Отд. VII, № 1.

²⁾ П. Головинскій. Слоб. коз. пол., гл. VII.

³⁾ В. В. Гуровъ. Сборн. судебн. рѣш., стр. 153.

⁴⁾ И. Теличенко. Протестъ слоб. старшинъ и козаковъ противъ реф. 1765 г. Киев. Ст., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

ма обывателями Торяникомъ и Лебединскимъ; переписывалъ ихъ писарь Гречка и даже посвидѣтельствовалъ ихъ, приложивъ свою руку¹⁾. Главную же огласку и популярность письма получили въ Харьковскомъ полку, проникнувъ туда слѣдующимъ путемъ: нѣкій Двигубскій, сотникъ Изюмскаго полка, привезъ ихъ харьковскому полковнику Куликовскому въ имѣніе его, въ с. Ракитное, но, не заставъ его дома, отдалъ ихъ для снятія копій сего служителю — Татаринову, который эти злополучные письма передалъ Даниилу Сухомлинову, отставному подпрапорщику. Этотъ послѣдній прочиталъ письма Краснокутскаго собравшимся у него гостямъ — валковскому атаману Ивану Васильковскому, подпрапорщику Антону Пашинскому и козакамъ Шевченко и Луценко. Гости долго толковали о предстоящей реформѣ, порицали ее и были вообще за то, чтобы послать депутацію. Послѣ этого Сухомлиновъ отдалъ письма Васильковскому для того, чтобы онъ, какъ атаманъ, объявилъ ихъ народу. 29 октября (1764 г.), по приказанію Васильковскаго, писарь прочелъ въ ратушѣ письма, а атаманъ отъ себя убѣжалъ собравшихся козаковъ учинить сборъ денегъ и послать просителей въ Петербургъ, какъ о томъ умолялъ Краснокутскій. Козаки, видимо, были не прѣчуть давать денегъ на это дѣло, но часто обманываемые своими старшинами, дѣлавшими сборы съ корыстною цѣлью, узнавъ притомъ, что письма эти присланы не изъ харьковской полковой канцеляріи, не повѣрили и разошлись, не прида ни къ какому рѣшенію²⁾. Но на этомъ Васильковскій не успокоился. Не найдя сочувствія въ сотнѣ, онъ отправился, въ обществѣ какого-то валковскаго жителя, въ Харьковъ, думая тамъ найти у полчанъ большее любви къ своему козачеству; однако и въ полковомъ городѣ онъ потерпѣлъ неудачу. А такъ какъ Васильковскій понималъ хорошо, что его стараніе подвинуть козаковъ на ходатайство не можетъ оставаться тайною для властей, то началъ опасаться, какъ-бы ему не пришлося поплатиться чѣмънибудь, въ родѣ заполученія „штрафа на тѣлѣ“, почему и рѣшилъ эти письма представить при рапортѣ въ полковую

¹⁾ И. Теличенко. Прот. слоб. старши., Киев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

²⁾ Ibidem.

канцелярію. Этимъ онъ, вѣроятно, думалъ показать себя предъ русскими властями сторонникомъ реформы и охранителемъ интересовъ правительства. Канцелярія, получивъ эти письма, усмотрѣла во всемъ томъ большое преступленіе. Полетѣли предписанія, чтобы сотники строго смотрѣли и не допускали въ своихъ сотняхъ распространять подобныя письма; но сотники успокоили канцелярію донесеніями, что у нихъ все обстоитъ благополучно. Возгорѣлось цѣлое дѣло, получившее название: „слѣдственное дѣло о нѣкоемъ письмѣ для народнаго объявленія“. Всѣ лица, таکъ или иначе причастныя къ этому „нѣкоему письму“, были привлечены къ отвѣту. Добрались до Краснокутскаго, и, не смотря на его объясненія, что письма его не имѣли цѣли возмущать народъ, военная коллегія признала полковника виновнымъ въ желаніи поднять волненіе и приговорила его, не дѣляя ему „пристрастныхъ“ допросовъ по старости лѣтъ,—по лишеніи чиновъ и орденовъ, наказать плетьми на Украинѣ. Но имѣя въ виду, что бунта еще не произошло, наказаніе это отмѣнили, опредѣливъ, по лишеніи чиновъ и орденовъ, сослать его въ г. Казань, чрезъ гарнизонную команду. Это было исполнено, но Краснокутскій былъ въ скорости возвращенъ оттуда на родину, благодаря стараніямъ своей жены, которая лично о томъ просила государыню. Всѣ имѣнія Краснокутскаго были конфискованы, и только часть ихъ была возвращена его женѣ; самъ-же онъ скоро умеръ.

Военная коллегія произнесла свой приговоръ только надъ изюмскимъ полковникомъ, а наказаніе прочихъ лицъ, причастныхъ къ этому дѣлу, предоставила генералитету, у которого они находились въ подчиненіи. Сухомлиновъ и Пащинскій, признавшіе себя виновными только въ томъ, что не предприняли мѣръ для пресѣченія, были приговорены Бринкомъ (ордеръ 1 іюня 1765 г.), „дабы впередъ такихъ постороннихъ и сумлительныхъ писемъ не принимали въ дѣйство и по онимъ не исполняли“¹⁾, къ тѣлесному наказанію: Пащинскому дать 25 ударовъ палками, Сухомлинову 50, Васильковскаго-же приказано было наказать плетьми при полковой канцеляріи

¹⁾ И. Теличенко. Прот. слоб. стар. Кіев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

и, кроме того, разжаловать изъ атаманства въ тотъ чинъ, въ которомъ онъ состоялъ предъ вступленіемъ въ эту должностъ. Къ наказанію плетьми-же были приговорены и изюмскіе жители: Торяникъ и Лебединскій за разглашеніе, а писарь Гречка за „рукопрекладство“.

Харьковская полковая канцелярія привести въ исполненіе приговоръ не могла по полученіи ордера, ибо никого изъ осужденныхъ на лицо не оказалось: Пащинскій былъ командированъ съ командою въ Бахмутъ, Сухомлиновъ собираясь подати, а Васильковскій поѣхалъ въ Кіевъ на богомолье. Объ этомъ донесли Бринку, который заподозрилъ полковую канцелярію въ укрывательствѣ виновныхъ, такъ какъ отпустить ихъ она, собственно, не могла, ибо всѣ они находились подъ слѣдствіемъ; а Васильковскій, кажется, былъ отпущенъ даже послѣ получения ордера о его наказаніи. Все это сильно обозлило Бринка, и онъ приказалъ разыскать всѣхъ трехъ обвиненныхъ, особенно Васильковскаго; были разставлены караулы и послана погоня по всѣмъ дорогамъ въ Кіевъ. Захватили Васильковскаго въ м. Рублевкѣ Ахтырскаго полка и повезли въ Харьковъ. По пути, около Валокъ, где было его мѣсто жительства, Васильковскому удалось бѣжать, а караульные продолжали везти слугу его и имущество; но до Харькова не довезли, ибо Васильковскій за Люботиномъ сдѣлалъ на нихъ нападеніе съ переодѣтыми въ сѣряки людьми, отбилъ своего слугу и скрылся.

Былъ-ли Васильковскій снова пойманъ и наказанъ—неизвѣстно, но, впослѣдствіи, онъ подавалъ прошеніе, въ которомъ приносилъ жалобу на рѣшеніе Бринка¹⁾, несправедливо на него налагавшее взысканіе; неизвѣстно также, что изъ этого вышло. Является снова Васильковскій—канцеляристомъ при экспедиції формирования слободскихъ гусарскихъ полковъ²⁾; въ это званіе онъ былъ опредѣленъ изъ подпрапорныхъ, изъ чего можно заключить, что приговоръ надъ нимъ былъ исполненъ, ибо его смѣстили съ атаманства и опредѣлили на службу подпрапорнымъ; нужно думать, что его также

¹⁾ П. Теличенко. Прот. слоб. стар., Кіев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

²⁾ Хар. ист. арх., отд. VI, № 5.

высѣкли,—такъ въ резолюції Щербинина на поданное Васильковскимъ прошеніе обь отставкѣ говорится, что за представление въ канцелярію писемъ полковника Краснокутскаго его признали виновнымъ, „а онъ, Васильковскій, показавъ въ томъ усердіе, отъ несогласныхъ претерпѣвалъ между тѣмъ бѣдственное разореніе“¹⁾). Васильковскій просился въ отставку послѣ того сейчасъ-же, но ему было приказано состоять при экспедиціи канцеляристомъ до окончанія формированія полковъ, а послѣ предоставлялось право или выйти въ отставку, или продолжать службу въ гусарскомъ полку. По окончанія формированія, Васильковскій подалъ прошеніе, гдѣ просилъ уволить его отъ службы, мотивируя тѣмъ, что онъ болѣнъ и неспособенъ къ должности канцеляриста. Щербининъ, видимо довольный поведеніемъ Васильковскаго, просьбу его исполнилъ и положилъ уволить его вахмистромъ, давъ ему на этотъ чинъ „абшидъ“ (указъ обь отставкѣ), но Васильковскій подалъ просьбу, гдѣ говорилъ, что, такъ какъ онъ, собственно въ строевой службѣ не былъ, ибо въ Харьковскомъ полку подпрапорнымъ только числился, то не желаетъ быть увольненнымъ въ отставку вахмистромъ, а проситъ отставить его отъ службы статскимъ чиномъ. И эта просьба его Щербининъ была уважена: его исключили изъ службы въ чинѣ губернского регистратора, давъ ему на это абшидъ²⁾.

Кромѣ этихъ протестовъ, исходившихъ отъ старшинъ, были еще таковые и среди остального населенія. Указъ, вводившій подушную подать, былъ причиною волненій и негодованій слобожанъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украины всыхивали бунты, жители отказывались выбирать раскладчиковъ новыхъ сборовъ; но эти беспорядки легко подавлялись съ помощью тѣхъ-же слободскихъ гусаръ, которымъ приходилось усмирять, арестовывать и сѣчь своихъ отцовъ и братьевъ, хотя они это и дѣлали, конечно, будучи къ тому принуждаемы. Но все это послужило причиной возникновенія вражды между населеніемъ и полками, въ ряды которыхъ оно должно было поставлять своихъ членовъ и, къ тому-же, содержать ихъ³⁾.

Такимъ образомъ, слободское казачество, сыгравъ назначеннуую ему историческую роль, прекратило свое существование, и вскорѣ даже память о немъ умерла въ народѣ; городъ-же Харьковъ, обратившись изъ полковаго въ губернскій, пошелъ быстрыми шагами по пути развитія и сдѣлался умственнымъ центромъ юга Россіи и важнымъ торговымъ рынкомъ, забывъ совершенно, кому онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. Даже самъ Харьковскій полкъ, безпрестанно обновляясь въ своемъ составѣ, утратилъ представленіе о томъ, почему онъ именно называется нынѣ Харьковскимъ.

¹⁾ Хар. ист. арх., отд. VI, № 5.

²⁾ Ibidem.

³⁾ И. Теличенко. Протестъ слоб. стар. Киев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ГРАМОТА

жителямъ города Салтова 7176 (1668 г.) года, 19 февраля.

„Божію милостію Мы оть Великаго Государя и Великаго Князя всея великия и малыя, и бѣлляи Россіи самодержца, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отicha и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и обладателя, Нашего Царскаго Величества города Салтова всѣмъ тutoшнимъ жителямъ всякого чина и возраста оть насъ, Великаго Государя, милостивое слово.

Вѣдомо Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, нынѣ учинилося по отпискамъ изъ нашихъ, Великаго Государя, Украинскихъ и малороссійскихъ городовъ воеводъ и приказныхъ людей, что Ивашко Бруховецкой съ единомышленники своими, съ полковники и сотники, забывъ Господа Бога и свое обѣщаніе предъ св. Евангеліемъ, Намъ, Великому Государю, Нашему Цар. Вел., измѣнили и разослали отъ себя во всѣ малороссійскіе города и жителямъ всякого чина воровскіе прелестные листы, а въ нихъ писали, что Мы, Великий Государь, Наше Цар. Вел., съ братомъ нашимъ, наꙗснѣйшимъ Великимъ Государемъ съ Яномъ Казиміромъ, съ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, учинили перемиріе на урочные годы, а на посольствѣ будто наши Великаго Государя великіе и полномочные послы съ польскими и литовскими комисарами прошлаго году постановили и присягали на томъ, чтобы жителей украинскихъ мужска полу и женска и малыхъ дѣтей выгубить и Україну на дикое

поле обратить, а иныхъ жителей и дѣтей сослать въ Сибирь; и призвавъ онъ, измѣнникъ Ивашко Бруховецкой изъ-за днѣпровскихъ городовъ и изъ-за пороговъ измѣнниковъ-же черкасъ, чтобы малороссійскіе города сей стороны Днѣпра и въ нихъ всякаго чину жителей взбунтовать и кровь христіанскую проливать неповинно; и тѣ измѣнники заднѣпровскіе и запорожскіе, прешедъ на здѣшнюю сторону Днѣпра, въ городѣхъ жителей всякаго чина людей взбунтовали и на всякое злое дѣло ихъ привели. А онъ, измѣнникъ Ивашко Бруховецкой, въ Гадячѣ воеводу Евсегнея Огарева и нашихъ государствевыхъ ратныхъ людей, которые посланы были, вѣльѣ побить и христіанской крови разлитіе учинить безвинно, а въ городѣхъ малороссійскихъ въ Глуховѣ, въ Батурина и въ Полтавѣ по его-жъ измѣнничью воровскому умыслу и письму измѣнники-жъ заднѣпровскіе и запорожскіе черкасы воеводъ и начальныхъ, и разныхъ людей изъ малыхъ городковъ взяли за вѣрою, обманомъ, а иныхъ приступомъ, и отдали за приставы, а ратныхъ людей побили многихъ безвинно, а по Нашему, Великаго Государя, указу тѣ воеводы и ратные люди въ малороссійскіе города посланы были для оберганія отъ непріятельского прихода, а не для разоренія.

А мы, Великій Государь, Наше Цар. Вел., Государь Христіанскій, свидѣтельствуемся Господомъ Богомъ, что у насъ и у мысли того не было, какъ измѣнникъ Ивашко Бруховецкой и его сотники, измѣнники-жъ, въ прелестныхъ своихъ измѣнничихъ письмахъ въ малороссійскіе города ко всякимъ жителямъ писали на смуту. И желали мы, Великій Государь, и нынѣ желаемъ малороссійскихъ городовъ жителямъ всякаго чину и возраста покоя и тишины, и благоденствія, а не разлитія христіанской крови.

А на польскихъ съѣздахъ наши, Великаго Государя, великие и полномочные послы брата Нашего его Королевскаго Величества съ комисарами и послы перемиріе учинили на урочные годы на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ и записами въ томъ укрѣпились и съ тѣхъ записей къ измѣннику, къ Ивашко Бруховецкому, посланъ списокъ. И изволили Мы, Великій Государь, Наше Цар. Вел., послать Нашей, Великаго

Государя, денежной казны къ брату Нашему, къ Королевскому Величеству, двѣсти тысячъ за (тѣ), которыхъ шляхта имѣла маетности свои въ малороссийскихъ городѣхъ и по договору, и по укрѣплению нашихъ, Царского Величества, великихъ и полномочныхъ пословъ и Королевского Величества комисаровъ и отъ шляхты за тѣ деньги въ малороссийские города въ маетности свои не вѣзвѣжать и разореній имъ не чинить.

И вамъ-бы, города Салтова старшинамъ и всѣмъ жителямъ старѣйшимъ и юнѣйшимъ всякаго чину и возраста, памятуя Господа Бога и свое обѣщаніе предъ св. Евангеліемъ, на нашу Государеву милость быть надежнымъ и сей Нашей, Великаго Государя, милостивой грамотѣ вѣрить, отъ измѣнниковъ и отъ всякихъ шатостей отстать и быть у Насъ, Великаго Государя, Нашего Цар. Вел., подъ Нашею, Великаго Государя, самодержавною высокою рукою въ вѣчномъ подданствѣ по прежнему своему обѣщанію, а измѣнника Ивашка Бруховецкаго и его совѣтниковъ не слушать и на прелестныя ихъ письма не прельщаться; а мы, Великій Государь, наше Цар. Вел., по своему Государскому милосердію васъ держать въ нашемъ, Великаго Государя, милостивомъ жалованіи и въ призрѣніи и выше прежняго; и вамъ-бы оной конечно сей нашей, Великаго Государя, милостивой грамотѣ вѣрить.

Писанъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ создания міра 7176, девятнадцатаго февраля дня¹⁾.

„Въ подлинной грамотѣ на оборотѣ написано тако:

Божію милостію Великій Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя, и бѣлые Россіи Самодержецъ“.

Съ подлинной списалъ Канцеляристъ (фамилія неразборчива).

¹⁾ Копія этой грамоты найдена въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ. Отд. I, № дѣла 300.